

Анна Сейн

Пещера времени

Анна Сейн

Пещера времени

<https://litres.ru/73950318>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Пещера времени"

Шестеро друзей. Старая дача. Шашлыки, река и... пещера.

Идиллическая поляна на том берегу реки обещает идеальный пикник.

Но что-то пошло не так. Очень не так.

Они будут бежать. Прячаться. Терять друг друга в каменном лабиринте, который дышит и меняет форму.

Когда они выберутся наружу, мир встретит их тишиной.

Слишком глубокой тишиной.

Телефоны не ловят сеть. А единственный человек, который соглашается с ними говорить, смотрит так, будто видит призраков.

Пещера забрала у них не только ночь.

«Пещера времени» — психологический хоррор о людях, которые совершили одну маленькую ошибку. О цене, которую пришлось заплатить. И о том, можно ли вообще вернуться домой, если само время решило против тебя. Хоррор о времени, любви и цене выбора.

Войдите в пещеру. Но помните: оттуда не возвращаются или возвращаются не совсем такими.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Сейн

Пещера времени

Пролог

Пролог. Утроба мира

Она не значилась ни на одной карте. Геологи, если бы их спросили, пожали бы плечами: выветривание известняковых пород, карстовый провал, ничего примечательного. Для топографов она была лишь легкой впадиной на чертеже, потенциальной ловушкой для неопытного грибника. Но для самого мира, для ткани реальности, скрипящей под грузом эпох, она была шрамом. Тихим, старым, почти затянувшимся разрывом, через который сочилась вневременная тьма.

Её называли по-разному. Старики из деревни, что притулилась в пятнадцати километрах к востоку, звали её «Бездонной Пастью». Название это родилось не из-за предполагаемой глубины, а из-за свойства пропускать звуки. Бывало, охотник, проходя мимо, слышал из её чрева лай своей собаки, потерявшейся три года назад. Или мать различала плач младенца, умершего в колыбели. Звуки не пугали, они тосковали. Они были эхом не пространства, а времени, вывернутым наизнанку.

Сама пещера была неприметна. Вход, припорошенный

осыпавшимся желтым песчаником, прятался в складке холма,

за спиной у той самой убогой дачки, что сменила десяток хозяев, никто из которых не задерживался надолго. Перед входом лежал валун, отполированный дождями и ветрами до бархатной гладкости, похожий на голову спящего великана. Местные говорили, что это — страж. Не тот, что не пускает внутрь, а тот, что не выпускает наружу то, что не должно было выйти.

Осень 1994-го была на исходе. Воздух, густой от зноя и запаха переспелых яблок, застывал в неподвижности. Поле перед пещерой, заросшее бурьяном и пожелтевшей метелицей, лежало как забытый золотой ковер. Казалось, сама природа затаила дыхание в ожидании. В такие дни тишина вокруг «Бездонной Пасти» становилась

особенно плотной, звонкой, словно стеклянный колпак. Птицы не пели у входа, насекомые облетали его стороной. Была лишь сухая трава, шелестящая под ветром, который рождался ниоткуда.

А внутри... Внутри начиналось иное.

Первые несколько метров были обманчивыми. Солнечный свет, отражаясь от светлых стен, еще цеплялся за жизнь, выхватывая из мрака причудливые натечные образования, похожие на застывшие водопады. Воздух был прохладным и влажным, пахло грибами и мокрым камнем. Это была «прихожая», та часть, что еще принадлежала знакомому

миру. Сюда иногда заглядывали подростки, оставляя на стенах следы своей краски — имена, даты, признания в любви, которые время в этом месте стирало с поразительной скоростью.

Но стоило сделать десяток шагов, как тоннель резко уходил вниз и заворачивал за острый выступ скалы. Это был Рубеж. Свет сюда не достигал. Фонарик выхватывал из тьмы лишь узкую галерею, стены которой становились темнее, почти черными, и влажными на ощупь. Они блестели, словно покрытые потом исполинского существа. Звуки снаружи сюда не доносились. Зато появлялись другие.

Тихий, мерный плеск воды. Капли, падающие с потолка в лужу, отбивали секунды, но ритм их был хаотичным, сбивающим с толку. То учащались, словно ливень, то замирали на долгие минуты. Иногда в тишине проскальзывал шепот. Непонятный, состоящий из незнакомых слов, или, что было страшнее, из обрывков знакомых — обрывков разговоров, которые еще только предстояло произнести.

Физические законы здесь начинали играть по иным правилам. Компасы, если кто-то додумался бы их взять, начинали бешено вращаться, теряя север. Стрелки часов отставали или убегали вперед, завися не от механизма, а от непостижимых токов, что текли по жилам пещеры. Само пространство изгибалось. Пройдя по, казалось бы, прямому коридору, можно было вернуться к тому же месту, но с иного направления. Это была не просто геология; это бы-

ла петля времени, лабиринт, в котором прошлое, настоящее и будущее переплетались в один плотный, не распутываемый клубок.

Говорили, что в самые глубокие ее залы можно было пройти лишь в определенные «часы», которые не были отмечены на циферблатах. Когда луна занимала определенное положение на небе, или, когда на земле случалось солнечное затмение, каменные глыбы в глубине расступались, открывая проход в сердцевину аномалии. Туда, где время текло не как река, а как стоячее болото, вбирая в себя все, что когда-либо в него попадало.

Она терпеливо ждала. Ждала новых голосов, которые нарушат её многовековую тишину. Ждала шагов, что вступят на её скользкий пол. Она была не ловушкой. Она была дверью. И самая большая тайна была не в том, что скрывалось в её темноте, а в том, куда и когда эта дверь вела.

Она была глоткой в иное время, пастью, готовой проглотить еще одну горсть будущих призраков. И сейчас, в день, застывший между летом и осенью, она чувствовала приближение. Чувяла тепло молодых жизней, идущих через поле.

Она была готова вдохнуть их.

В тот день, последний день их старой жизни, солнце клонилось к закату, окрашивая поле в багрянец. Воздух был теплым и безмятежным. Пять силуэтов, смеясь и толкаясь, шли через поле по направлению к темному пятну в склоне холма. Они несли с собой запах шашлыка, дешевого одеколona

и юности, которая считала себя бессмертной.

Они не видели, как тень от валуна-стража удлинилась, потянувшись к ним, как щупальце. Они не слышали, как из темного зева навстречу их голосам потянулся тихий, голодный вздох.

Пещера распахнула свои объятия. Утроба мира была готова принять новую жертву.

Глава 1

Рассвет застал их в дороге. Старый микроавтобус, арендованный на пару суток у знакомого, громко урча изношенным двигателем, продирался сквозь густой утренний туман. Небо на востоке ещё не пожелтело, но уже посветлело, обещая ясный, тёплый день. Звёзды гасли одна за другой, уступая место розовой дымке, которая медленно поднималась над горизонтом. Дорога, по которой они ехали, была узкой и извилистой. Последние двадцать километров после асфальта превратились в испытание на прочность: грунтовка, изрытая колеями после недавних дождей, заставляла машину крениться и подпрыгивать, выбивая из пассажиров смех, переходящий в стоны.

Итан, сидевший за рулем, наслаждался моментом. Высокий, широкоплечий, с густыми темными волосами, которые он постоянно откидывал со лба, он вцепился в баранку, словно укрощая дикого зверя.

— Не переживайте, дамы и господа! — крикнул он, обернувшись на секунду. — Экспресс следует строго по расписанию! Его громкий, хриловатый голос заглушал скрипы салона. На нем была потертая футболка с логотипом какой-то рок-группы, и он выглядел так, будто родился за рулем этой развалюхи.

На пассажирском сидении, крепко сжимая в руках рас-

печатанные карты и с телефоном с грозной надписью «НЕТ СЕТИ», сидел Оливер. Коренастый, с добрыми карими глазами и растрепанными русыми волосами, он нервно покусывал губу. Оливер смотрел в окно на проплывающие мимо пейзажи. Сначала это были спальные районы — безликие, серые, утопающие в зелени дворов. Потом — дачные посёлки, где старые, покосившиеся домики соседствовали с новыми, кирпичными особняками. А потом начался лес.

Он возник внезапно — стеной, тёмной и густой. Сосны взметались вверх, к светлеющему небу, их вершины, казалось, царапали облака. В воздухе пахло хвоей и влажной землёй — запахи, которые в городе заменяет бензин и асфальт.

— Следующий поворот, кажется, налево, — пробормотал он, всматриваясь в белую пелену за стеклом. — Или направо... Дедушка говорил, тут ориентир — сгоревшая сосна.

Оливер, хозяин дачи, к которой они ехали, был одет в зелёную толстовку и джинсы. Он был полной противоположностью Итану — не громким лидером, а тихим мечтателем, для которого эта поездка была паломничеством в место его детских воспоминаний.

Между ними, на центральном месте, Расположился Лиам. Среднего роста, с непримечательной внешностью — обычные тёмные волосы, обычные черты лица. Но в его карих глазах была особая, внимательная теплота. Он был тем, кого называют «душой компании» — не лидером, как Итан, а тем, кто всех объединяет. Он помнил, кто что любит пить, вовре-

мя подкидывал дров в мангал, мог найти общую тему и с болтливым Итаном, и с рассудительным Оливером. Его спокойное лицо было повернуто к боковому стеклу.

— Туман начинает рассеиваться, заметил он своим мягким, успокаивающим голосом.

— Какая красотища! — воскликнул Итан, сидевший за рулём. — Вот где надо жить! А не в этих бетонных коробках.

— Живи, — лениво отозвался Лиам. — Только интернет не ловится и ближайший магазин в двадцати километрах.

— Мелочи! — отмахнулся Итан.

На заднем сиденье ситуация была контрастнее. Хлоя, девушка Оливера, при каждом толчке вжималась в дверь, с тоской глядя на свои белые кеды, на которые уже налетела коричневая жижа с дороги. Стройная, с идеально уложенными каштановыми волосами, она была воплощением стиля, безнадежно пытающимся сохранить лицо в условиях тотального бездорожья.

Хлоя прижалась к окну, и посмотрела на мелькающие деревья. Она не разделяла восторга Итана. Лес казался ей слишком тёмным, слишком густым, слишком... древним. Казалось, что эти сосны видели то, чего не должны видеть люди, и хранят свои тайны за плотной, колючей стеной.

— Ты чего? — спросил Оливер, заметив её напряжённое лицо.

— Ничего, — ответила она. — Просто лес... он какой-то странный.

— Странный? — удивился Итан. — Обычный подмосковный лес. Грибы, ягоды, комары. Что в нём странного?

Хлоя пожала плечами. Она не могла объяснить. Это было чувство — смутное, тревожное, как будто лес смотрел на них. Как будто знал, что они приедут. Как будто ждал.

— И хочу, чтобы там, на даче, был туалет, — выдохнула она. — Хоть какой-нибудь. Древний. Но чтоб стены были.

С другой стороны, от нее, глядя в запотевшее стекло, сидел Кай. Высокий, худощавый, с коротко стриженными волосами и спокойным, внимательным взглядом серых глаз. Он был молчалив, как всегда, но его поза была расслабленной. В отличие от Хлои, он, казалось, наслаждался этой оторванностью от цивилизации. Его темная футболка и простые штаны уже видели виды. А серая толстовка была такого же невыразительного цвета, как и его тихий характер.

Между Хлоей и Каем, занимая своё место с уверенностью капитана корабля, сидела София. Рыжие вьющиеся волосы были собраны в практичный хвост, высунувшийся из-под темной бейсболки. На ней были прочные походные штаны и ботинки со следами прошлых вылазок. В отличие от Хлои, она выглядела так, будто родилась не в городе, а где-то на горной тропе.

На ее коленях лежал планшет с офлайн-картами, а в руках она держала компас, периодически сверяя его показания с маршрутом.

— По данным GPS, мы уже должны были свернуть, — ска-

зала она, не глядя на остальных. Ее голос был ровным и уверенным. — Твои «ориентиры», Оливер, отстают от реальности минут на пятнадцать.

Кай не отрывал взгляда от запотевшего стекла, но его плечи слегка напряглись при словах Софии.

Лиам, сидевший между Итаном и Оливером на переднем сиденье, обернулся с улыбкой:

— Соф, расслабься. Мы же не на спутниковую съемку выехали. Доверься местному gidу.

— Я доверяю точным приборам, — парировала София, наконец подняв на него взгляд своих зеленых глаз. — А «местные gidы» обычно заводят в болота. Кстати, — она снова посмотрела на планшет, — через километр как раз начинается заболоченный участок. Надеюсь, твой дед не вел гостей через трясины, Оливер?

Оливер смущенно пожал плечами:

— Ну, я там давно не был... Но дед говорил, что дорога проверенная, правда без асфальта.

— В его время и уровень грунтовых вод был другим, — заметила София, убирая планшет в прочный рюкзак у своих ног. В нем аккуратно лежали фонарик, аптечка и свернутый походный коврик. — Ладно, будь, по-вашему. Но если застрянем, вытаскивать будете сами. Я предупреждала.

Она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза, демонстрируя, что сняла с себя ответственность. Но по напряженным уголкам ее губ было видно — она продолжала мыс-

ленно прокладывать маршрут и вычислять возможные риски.

Хлоя покатила глазами:

—Успокойся, мама-медведица. Мы всего лишь на пикник едем, а не в кругосветку.

София приоткрыла один глаз:

—Именно на пикнике люди и теряются, Хлоя. Потому что считают, что «всего лишь на пикник». Природа ошибок не прощает.

В салоне воцарилась краткая пауза. Даже Итан на секунду сбавил газ, невольно прислушиваясь к ее словам. В них не было страха — лишь холодная, трезвая практичность, которая контрастировала с общей беззаботной атмосферой.

—Ничего, София, скоро приедем, — обернулся Лиам и сказал ободряюще. — Помнишь, как мы в прошлый раз в палатках жили? Вот это был экстрим. А тут, я уверен, дворец.

Его карие глаза излучали теплое спокойствие. Он был тем, кто всегда находил правильные слова и гасил возможные конфликты еще до их начала.

Дорога виляла между холмами, то поднимаясь вверх, то ныряя в низины. Туман стелился по низинам, молочно-белый, густой, и машина ныряла в него, как в облако, а потом выныривала с другой стороны, вся мокрая, блестящая в лучах восходящего солнца.

Поля сменяли друг друга — золотые, жёлтые, зелёные, — и каждое было по-своему красиво. На одном паслись коро-

вы, и они провожали машину задумчивыми, влажными глазами. На другом стоял одинокий, старый дуб, раскидистый, могучий, под которым, наверное, можно было спрятаться от дождя.

Туман начал рассеиваться с восходом солнца, открывая влажные, сверкающие на солнце поля и темную полосу леса вдаль. Именно в этот момент микроавтобус, с грохотом преодолев последний ухабистый подъем, замер на краю поляны. Поездка подходила к концу, София была компетентной, подготовленной, но слегка надменной. Она была тем человеком, который всегда ожидает худшего. И, как оказалось позже, была не так уж неправа.

— Откуда твой дед взял этот участок? — спросил Кай, который обычно молчал в таких разговорах.

— Он вырос в этих местах, тут неподалеку есть деревня, тут жили еще его родители, — ответил Оливер. — А потом в пятидесятых, после войны, захотел тишины. И земли. Вот и купил этот домик почти за бесценок.

— И теперь он твой, — улыбнулся Итан.

— И теперь мой, — кивнул Оливер.

Он не сказал, что домик был ветхим, почти разваливающимся, что крыша текла, а печь дымила. Он не сказал, что дед последние годы почти не выходил из дома, а бабушка умерла за десять лет до этого. Он не сказал, что это место было для него не просто дачей, а памятью. Самым дорогим, что у него осталось от детства.

Дорога совсем стала разбитой. Машину трясло так, что зубы стучали, а посуда в багажнике звенела, как колокольчики.

— Ну и дорога! — простонал Итан. — Как тут можно ездить?

— А никак, — ответил Оливер. — Поэтому дед ездил редко. В основном ходил пешком. Говорил, что дорога — это лишнее. Что настоящая жизнь начинается там, где заканчивается асфальт.

— Философ был твой дед, — заметил Кай.

— Был, — согласился Оливер.

Он замолчал, глядя на дорогу. На выбоины, лужи, камни. На берёзы, которые росли так близко к дороге, что ветки хлестали по стёклам.

Дорога в последний раз вильнула, поднялась в гору, и они увидели дачу.

Старый микроавтобус, натужно урча, преодолел последний подъём и замер на небольшой, заросшей травой поляне. Двигатель чихнул напоследок и заглох, и в наступившей тишине стало слышно, как где-то далеко, в лесу, кукует кукушка.

— Приехали! — с триумфом объявил Итан.

Глава 2

Перед ними, на фоне проясняющегося неба, стояла она. Дача. Серая, обшитая вагонкой, с покосившейся крышей и заколоченными ставнями. Она не выглядела заброшенной — скорее уставшей, присевшей от времени на корточки, как старая лошадь, которая уже не может бежать, но ещё помнит, как это делается.

Крыша, крытая когда-то красным железом, теперь была ржавой, кое-где проржавевшей насквозь. В одном месте зияла дыра, заколоченная куском фанеры, в другом — росла молодая берёзка, чудом пробившаяся сквозь шифер. Водосточные трубы давно отвалились, и дождевая вода стекала прямо на фундамент, вымывая из-под него землю.

Фасад когда-то красили в светло-жёлтый цвет, но краска облупилась, обнажив тёмную, прогнившую древесину. Местами вагонка отошла, и сквозь щели было видно пожелтевшую вату утеплителя. Ставни, выкрашенные в зелёный, висели криво, петли проржавели, и одна из них вообще держалась на честном слове и одном гвозде.

Хлоя брезгливо морщилась, оглядывая строение, но в ее глазах читалось любопытство и облегчение от того, что тряска закончилась.

Кай молча вышел, потянулся и, прислонившись к капоту, устремил взгляд куда-то дальше дачи, на открывавшийся за

ней простор — бескрайнюю долину, утопающую в зелени, с извилистой лентой реки внизу.

Лиам принялся выгружать рюкзаки, в одном из которых болтались угли и мясо. Он на мгновение остановился, прислушиваясь к тишине. Она была не городской, не уютной. Она была гулкой и бездонной. И где-то на краю сознания, сквозь щебет птиц, ему почудился другой звук — тихий, влажный вздох, доносящийся со стороны темного леса за полем.

— Ну и халупа! — выдохнул Итан, с размаху ставя на скрипучую веранду ящик с водой.

Да иначе и не назовешь. Не дом, а ветхое строение, которое, казалось, держалось только по привычке. Серая обшивка местами отходила, обнажая гнилую вату утеплителя, а крыша над верандой просела, словно уставшая спина.

— Зато своя! — парировал хозяин сего великолепия, Оливер, широко улыбаясь.

Он оглядел дом, пытаясь увидеть его не своими глазами, который помнил это место с детства, а глазами друзей, которые видели его впервые. И понял, что картина, мягко говоря, не впечатляла.

— И людей нет! Ни души! Чистый воздух!

Оливер обнял за плечи свою девушку, Хлою. Та брезгливо морщилась, оглядываясь по сторонам, но в ее глазах читалось любопытство.

— Воздух и правда огонь, — согласился Кай, высокий

и спокойный, прислонившись к косяку. Его взгляд был устремлен куда-то дальше дачи, в простор, открывавшийся за ней.

Итан хлопнул в ладоши, его громкий голос разнесся по тихому полю, заставив Хлою вздрогнуть.

— Ладно, архитекторы! Не в дворцах же сокровища прячут! Разгружаемся, мужики! Девушки пусть ищут, где тут у нас царские покои, — он многозначительно подмигнул Оливеру.

Последний лишь смущенно ухмыльнулся и, достав из кармана ржавый ключ, направился к крыльцу дома. Крыльцо было самым печальным зрелищем. Ступеньки, когда-то деревянные, теперь прогнили и провалились. Вместо них лежали две старые, грязные доски, перекинутые через пролом. Перила отсутствовали вовсе — только два торчащих столбика напоминали о том, что они когда-то были.

— Мы точно не упадём? — с сомнением спросила Хлоя, смотря на это сооружение.

— Точно, — соврал Оливер. — Я тут сто раз ходил.

Он первым ступил на доски. Те жалобно скрипнули, прогнулись, но выдержали.

— Видите? — сказал он, оборачиваясь. — Крепче, чем кажется.

София подошла к крыльцу, окинула его оценивающим взглядом и покачала головой.

— Конструкция ненадёжная, — констатировала она. — Но одного человека выдержать может. По одному заходите.

Они поднимались по очереди, стараясь ступать на одни и те же доски, чтобы не проломить гнилые.

Дверь, обитая когда-то дермантином, скрипела и не поддалась с первого раза, скрипя и жалуясь на все петли, но после сильного толчка плечом наконец-то распахнулась, взметнув облачко пыли.

Внутри было сумрачно и пыльно. Свет едва проникал сквозь запылённые окна, и в комнате царил полумрак. Пахло стариной, яблоками и мышами.

— Ну, как тебе мое родовое гнездо? — с гордостью в голосе спросил Оливер, обводя рукой помещение.

Они осматривались. Комната была просторной, но низкой. Стены комнаты были оклеены старыми, выцветшими обоями с рисунком — мелкие синие цветочки на бледно-жёлтом фоне. Местами обои отходили, свисая жёлтыми языками. С потолка свисала одинокая лампочка в паутине. В центре стоял массивный дубовый стол, покрытый потрескавшейся клеенкой с блеклыми розами. Печь — выложенная из красного кирпича — занимала почти половину комнаты. Она была белой от побелки, но местами побелка облупилась, обнажив тёмный, обожжённый кирпич. На печи лежал старый, потрёпанный половик, а на нём — засушенная мумия мухи. По углам комнаты громоздились зачехленные тюфяки, а у стены притулился сервант с пыльными пузырьками

от лекарств и коллекцией засушенных бабочек под стеклом, чьи крылья давно истлели в прах.

Хлоя, стараясь не показывать своего легкого отвращения, прошла по комнате, проводя пальцем по пыльной поверхности подоконника.

— Уютно, — с натянутой улыбкой произнесла она. — Очень... по-деревенски.

Хлоя замерла у окна, прижимая к носу смоченный в духах платок.

— Боже правый, Оливер, здесь же дышать невозможно!

— Открывайте окна, — скомандовал Итан. — Проветрим эту гробницу.

Оливер подошёл к окну и с усилием поднял раму. Та поддалась не сразу, со скрипом, но в комнату хлынул свежий, лесной воздух, смешанный с запахом нагретой травы и хвои.

— Уже лучше, — сказал Лиам, втягивая носом воздух.

Пока Хлоя морщилась, София без лишних эмоций переступила порог. Ее взгляд, привыкший оценивать обстановку, быстро скользнул по комнате.

— Углы сырые, — констатировала она, проводя пальцем по отслаивающимся обоям у входа. — Грибок. И древесный жук-точит, — добавила она, указывая на мелкие отверстия в деревянных балках потолка. — Но для одной ночи сгодится.

Оливер подошёл к серванту, стоявшему у стены. За пыльными стёклами виднелись фарфоровые статуэтки — собачки, кошечки, слоники, — и стопки старых, пожелтевших та-

релок. На верхней полке стояла коллекция бабочек под стеклом. Крылья их, когда-то яркие, теперь выцвели и превратились в труху, и только пятнышки краски напоминали о том, какими они были когда-то.

— Это собирала моя бабушка, — тихо сказал он. — Она очень любила бабочек.

— Семейство нимфалид, — произнесла она с легким интересом, остановившись возле серванта. — Редкие экземпляры. Жаль, неправильно хранили.

Итан, не обращая внимания на пыль, сразу направился к старому радиоприемнику на подоконнике.

Тем временем Лиам, видя, как Хлоя морщится, взял с подоконника заржавевшую жестяную банку из-под леденцов и протянул ей с улыбкой.

— Держи, антиквариат. Можешь продать как раритет.

Хлоя фыркнула, но банку взяла, машинально сдувая с нее пыль. Этот маленький жест — попытка Лиамом разрядить обстановку — не ускользнул от Кая.

София подошла ко второму окну и резким, уверенным движением дернула шнур от занавески. — Первое, что нужно сделать — обеспечить вентиляцию и доступ света, — заявила она, когда пыльные занавески с грохотом слетели с карниза.

В воздух поднялось облако пыли, заставившее Хлою закашляться.

— Могла бы предупредить! — выдохнула она, размахивая

руками перед лицом.

— Теперь дышать станет легче, — парировала София, уже осматривая раму окна. — Дерево прогнило. На ночь лучше закрыть изнутри пленкой, чтобы не дуло.

Итан, наконец оставив безнадежные попытки включить радио, с ухмылкой наблюдал за Софией.

— Ну что, командир, есть вердикт? Крепость выдержит наше наступление?

София повернулась к нему, скрестив руки на груди.

— Конструкция ветхая, но устойчивая. Главные риски — сквозняки и возможное обрушение чердачного перекрытия. — Она указала на потолок. — Но если не прыгать по полам, должно выдержать.

Хлоя, тем временем, с отвращением отодвинула вторую тяжелую занавеску на окне. Из складок ткани на пол посыпались засохшие лепестки от давно сгнившего букета. Она с визгом отпрыгнула.

— Фу! Какая гадость! Оливер, тут целое кладбище цветов!

Оливер сжал губы. Он молча подошел, поднял один иссохший лепесток и, не глядя на Хлою, бережно положил его на подоконник.

— Бабушка любила сирень, — глухо произнес он. — Это, наверное, с ее дня рождения.

В его голосе прозвучала такая боль и упрек, что Хлоя на секунду смутилась. Она отвернулась, делая вид, что рассматривает узор на клеенке.

София наблюдала за этой сценой с практичным безразличием.

— Органика, — пожалала она плечами. — Ничего опасного. Просто нужно провести влажную уборку.

Кай тем временем не участвовал в общем движении. Он стоял у стены, разглядывая пожелтевшие фотографии в деревянных рамках. Чёрно-белые, пожелтевшие, с закруглёнными краями. На одних — молодые люди в одежде пятидесятых, на других — дети, на третьих — строгие лица стариков. На одной из них был запечатлен суровый мужчина в фуражке, похожий на Оливера. На другой — женщина с усталым лицом и ребёнком на руках.

— Твои родственники? — спросил Кай, указывая на фото.

Оливер кивнул, подходя ближе.

— Это твой дед? — подошёл Лиам, показывая на портрет сурового мужчины с усами.

— Да, — кивнул Оливер. — Он в молодости. До войны ещё.

— А это? — Хлоя указала на фотографию девушки, стоящей у реки.

— Моя бабушка. Тоже молодая. Они тут познакомились, кстати. На этой даче.

— Романтично, — заметил Итан.

— А это ...не знаю кто такие. — задумчиво ответил Оливер.

Это была старая, пожелтевшая фотография. Он поднёс её к свету. На фото была запечатлена группа людей, сидящих на лужайке у реки. Солнечный день, трава, вода. Люди улыбались, махали в камеру. Но изображение было сильно выцветшим, и лица почти стерлись. Он хотел уже выбросить её, как вдруг заметил странную деталь. На фотографии были изображены похожие на них люди, одежда, обувь, даже его гитара, которая была в руках у одного из молодых людей.

— Странно, — пробормотал он.

Он смотрел на фотографии и думал о том, что эти люди, когда-то живые, смеющиеся, любящие, теперь — только пыль на полке. Что время не щадит никого. И что рано или поздно их фотографии тоже станут чёрно-белыми, пожелтевшими, забытыми.

— Что там? — спросила Хлоя, заглядывая через плечо.

— Да так, старьё какое-то, — он сунул фотографию обратно в рамку, так и не придав ей значения. — Пойдём лучше обустроиваться.

Он не заметил, что на обороте фотографии, почти стёртая временем, была выцарапана надпись: «НЕ ХОДИТЕ ТУДА». И дата, которую невозможно было разобрать.

Взгляд Кая скользнул по стене рядом с рамками. На обоях едва виднелся более светлый прямоугольник — след от другой, большей фотографии, которую сняли и убрали. Он ничего не сказал, но в его наблюдательных глазах мелькнула тень вопроса.

Итан, почувствовав напряженность, громко хлопнул себя по коленям.

— Так, хватит музеем любоваться! Давайте проветрим эту гробницу и начнем заносить припасы! Лиам, поможешь с ящиками?

Лиам кивнул и бросил взгляд на Кая, приглашая присоединиться. Тот медленно отошел от стены с фотографиями, но его взгляд еще раз вернулся к пустой рамке. Казалось, эта пропавшая фотография беспокоила его больше, чем вся остальная мрачная обстановка.

Пока остальные выходили, София задержалась у стены с фотографиями, где стоял Кай. Она внимательно изучила пустую рамку, затем провела пальцем по более светлому прямоугольнику на обоях.

— Интересно, что здесь висело раньше, — тихо заметила она Каю. — И куда это всё пропало.

Он лишь молча кивнул, понимая, что София заметила те же странности, что и он.

Кай тем временем отправился исследовать дальнейшее помещение, оказавшееся кухней с печкой и жестяной раковиной. Все было в паутине и слое вековой грязи. Он молча вернулся, и по его лицу было ясно — место требовало капитальной уборки.

— Ничего, — бодро сказал Итан, ставя сумки с продуктами на стол. — Главное — виды! Оливер, ты же хвастался, что тут прямо Швейцария?

Оливер, будто ждал этого момента, широко улыбнулся и подошел к запыленному окну.

— А ты глянь!

Все невольно потянулись к окну. И застыли.

Ветхая дача стояла на самом краю высокого холма. Прямо перед ними, за невысоким покосившимся забором, начинался обрыв, поросший густым кустарником. А дальше... дальше простиралась бескрайняя долина, утопающая в зелени лесов, с извилистой лентой реки, уходящей к горизонту. Воздух был настолько прозрачен, что видно было каждый изгиб берега, каждую тучку, отражавшуюся в воде. Солнце, заливало все золотым светом, и от этого пейзажа захватывало дух.

Даже Хлоя забыла на мгновение о пыли и паутине.

— Боже, — прошептала она. — Это правда красиво.

— Я же говорил, — с торжеством в голосе произнес Оливер.

Он стоял рядом с ней и смотрел на эту красоту, и на душе у него становилось тепло и спокойно. Несмотря на убожество дачи, несмотря на грязь и разруху, это место было прекрасным. И он хотел, чтобы Хлоя это увидела. Чтобы полюбила это место так же, как любил его он.

— Тут можно жить, — вдруг сказала она.

Он повернулся и посмотрел на неё. В её глазах не было привычного скепсиса. Только удивление и, кажется, восхищение.

— Правда? — спросил он.

— Правда, — ответила она. — Если немного прибраться.

Он улыбнулся. И почувствовал, как что-то тёплое разливается в груди.

«Может, — подумал он, — может, всё будет хорошо. Может, мы и правда сможем здесь жить. Вместе».

— А самое интересное — сзади. Там калитка есть, ведет прямо в поле. А за полем — лес. Настоящий, дикий.

Итан уже потирал руки. — Вот это дело! Значит, план такой: быстренько тут прибираемся, потом шашлык, а на закате — экспедиция! Согласны?

Энтузиазм был единодушным. Даже Кай, обычно сдержанный, кивнул с легкой улыбкой. Суета по расхламлению и протиранию пыли внезапно стала веселым приключением. Все смеялись, шутили, спорили, куда поставить припасы. Сквозь пыльные стекла окон на них смотрел безмятежный, величественный пейзаж, словно приглашая и обещая что-то.

Никто из них не мог и подумать, что эта красота — лишь лицевая сторона старой монеты. Обратная же сторона, скрытая в тени, была грубой, холодной и хранила безмолвные тайны, в которые им вскоре предстояло погрузиться.

Пока ребята носили вещи, Итан командовал «расстановкой сил», размахивая бутылкой воды как жезлом.

— Кай, тащи тот стул на веранду, там вид лучше! Хлоя, не бойся паутины, она же натуральная! — его голос, густой и немного хриловатый, не оставлял пространства для тиши-

ны.

Рядом с ним Оливер, он с радостной суетливостью носил дрова для мангала, поймав себя на том, что просто смотрит на друзей, заполняющих своим шумом это тихое, забытое место. Для него это была не ветхая развалюха, а место силы, наследство, полное тайн.

Хлоя, пока все работали, больше изображала деятельность, сдувая пылинки с полок салфеткой, но в ее глазах читалось неподдельное восхищение видом из окна. Она ловила себя на мысли, что эта дикая красота стоит некоторых неудобств.

Пока другие шумели, Кай и София молча и методично делали самую грязную работу — вынесли на улицу груды старых газет, протерли самые запыленные углы.

Сейчас Кай стоял у окна, глядя на долину, и его лицо было невозмутимо, но в глазах плескалась тень той же тревоги, что утром посетила Лиам. Он чувствовал неестественную тишину, нарушаемую только их голосами.

Лиам раскладывал продукты на столе, изредка поглядывая на друзей с легкой, почти отеческой улыбкой. Именно он поймал на себе встревоженный взгляд Кая в окно и на мгновение замер. Не нужно было слов. Они оба чувствовали это — легкое, едва уловимое давление этого места, его слишком пристальное внимание к вновь прибывшим гостям.

— Так, мангал разжигаем! — огласил Итан, прерывая тишину. — Пока я угли раздуваю, Оливер, веди на экскурсию

по даче!

Энтузиазм снова стал общим. Шум, смех, грохот посуды — все это наполнило старый дом жизнью. Но за окном, залитая солнцем, долина замерла в своем безмолвном, вечном ожидании.

Глава 3

Воздух на вершине холма был на удивление свежим и пьянящим, пах сосной и влажной землей. Тишина, поначалу оглушающая, постепенно наполнялась звуками: щебет птиц, жужжание насекомых в траве, далекий стук дятла. После духоты города это было бальзамом.

Итан, не теряя времени, принялся за мангал. Вскоре запах от розжига смешался с ароматом дыма, создавая неповторимую атмосферу пикника. Оливер с гордостью экскурсовода повел остальных осматривать «владения».

— Смотрите, тут когда-то дед пытался яблони сажать, — он показал на несколько чахлах, полу засохших деревьев. — Не прижились. Почва каменистая. А вон там, за тем кустом смородины, у меня в детстве был «секретный штаб».

Хлоя шла рядом, стараясь ступать так, чтобы не задеть траву, на которой блестели капли росы. Ее белые кеды и так уже были не чистые.

— Очень... аутентично, — сказала она, глядя на покосившийся сарай с провалившейся крышей. В ее голосе звучала вежливая попытка скрыть разочарование.

Кай, как обычно, молчал. Он обошел дом кругом, его внимательный взгляд скользил по трещинам в фундаменте, по скрюченным ставням. Он не столько слушал Оливера, сколько изучал само место, словно пытаясь прочесть его историю

по слоям краски и узорам трещин. Он подошел к краю обрыва, где уже стояла София, и посмотрел на реку внизу. Вода с этой высоты казалась неподвижной, застывшей полосой ртути.

Итан, раздувая угли, крикнул через плечо:

—Эй, Оливер! А привидения тут водятся? В таких старых домах обязаны быть призраки!

Оливер засмеялся, но потом его лицо стало задумчивым.

—Призраков нет. Но дед... он рассказывал одну историю. Про лес за полем.

Лиам, распаковывавший овощи и продукты, замедлил движения. Кай, стоявший у обрыва, чуть повернул голову, прислушиваясь.

— Какую историю? — спросила Хлоя, с внезапным интересом.

— Ну, он говорил, что в тех лесах есть места... старые. Еще с языческих времен. И что есть там одна пещера. Не простая. Он называл ее «Зевом, что пожирает время».

— Зевом, что что? — переспросил Итан, приостановив свои занятия.

— «Пожирает время», — повторил Оливер, пожимая плечами. — Говорил, что возле нее можно потерять не только дорогу, но и сам день. Что иногда из нее доносятся звуки, которых не может быть. Он сам однажды, будучи мальчишкой, слышал там лай своей собаки, которая пропала за неделю до того. А другой раз — колокольчик упряжки, которая

проходила по этой дороге лет пятьдесят назад, когда тут еще и дач не было.

— Сказки для запугивания детей, чтобы далеко не ходили, — фыркнула Хлоя, но в ее голосе прозвучала неуверенность.

— Возможно, — согласился Оливер. — Но он говорил это совсем не как сказку. Он был суровым человеком. И он строго-настрого запрещал мне ходить в ту сторону одному. Говорил: «Там тропинки путаются, и часы сходят с ума. Можно выйти не туда и не тогда». Он верил, что пещера — это дыра. Не в другой мир, а ... в другое время. И что она иногда открывается, чтобы вдохнуть кусочек нашего мира, а потом выплюнуть его... измененным.

Наступила короткая пауза, нарушаемая лишь треском углей в мангале.

— Жутковато, — наконец произнес Лиам, вытирая руки.

— Жутковато? — перебил Итан. — Да это же крутейшая легенда! Надо эту пещеру найти! Представляете, если она реально существует?

Кай и София молча смотрели на темную полосу леса вдали. Лицо Кая было невозмутимо, но в глазах застыла тень мысли. Он повернулся к Оливеру.

— Твой дед... он говорил, как она выглядит?

Оливер покачал головой.

— Нет. Только то, что вход скрыт и найти его можно лишь случайно. И что перед ним нет ни листьев, ни хвои. Будто их

сдувает ветром, которого нет.

— Значит, будем искать! — решительно заявил Итан. — Это же куда интереснее, чем просто жарить шашлыки. После еды — экспедиция за легендой!

Энтузиазм Итана снова подхлестнул общий настрой. Даже Хлоя выглядела заинтригованной, хотя и продолжала делать вид, что все это глупости.

Лиам посмотрел на друзей. Он видел легкую озабоченность на лице Кая и Софии, и сдержанную брезгливость Хлои. Он поймал себя на мысли, что чувствует себя немного старым, ответственным, будто нянькой для талантливых, но беспомощных детей.

Пока мужчины возились с мангалом и дровами, Хлоя и София пошли наводить порядок в доме. Вернее, Хлоя делала вид, что приводит его в порядок, а София — что помогает ей. На самом деле обе занимались одним и тем же: каждая думала о своём.

Хлоя стояла у окна и рассеянно водила пальцем по пыльному стеклу, рисуя замысловатые узоры. На улице Итан и Оливер спорили о том, как лучше разжечь угли, а Лиам молча носил дрова. Кай стоял чуть поодаль и смотрел на лес, и его лицо было невозмутимым, как всегда.

— Не понимаю, зачем ты вообще согласилась на эту авантюру, — сказала София, не глядя на Хлою. — Ты же ненавидишь грязь и отсутствие цивилизации.

Хлоя вздрогнула и обернулась. София сидела на старом,

рассохшемся стуле, положив руки на колени, и смотрела на неё своим прямым, холодноватым взглядом.

— С чего ты взяла? — спросила Хлоя, хотя знала, что спорить бесполезно. София всегда видела то, что другие предпочитали скрывать.

— Ты смотрела на Оливера так, будто он уезжает на войну, — ответила София. — А он смотрел на тебя так, будто ты — его награда. Что случилось?

Хлоя отвернулась к окну. Ей хотелось сказать: «Ничего», но язык не поворачивался. София была не из тех, кто принимает пустые отговорки.

— Он сделал мне предложение, — тихо сказала она.

— Знала, — кивнула София. — По тому, как он вертелся вокруг тебя в машине.

Хлоя удивленно взглянула на Софию. Она и не думала, что со стороны это все заметно.

— Ты ему ответила? — спросила София.

— Попросила время подумать.

— И что ты решила?

Хлоя повернулась к ней. София сидела, не двигаясь, и смотрела на неё с тем же спокойным, изучающим выражением. Но в её глазах не было осуждения. Только ожидание.

— Я не знаю, — честно призналась Хлоя. — Он хороший. Он добрый. Он... он меня любит. Я знаю.

— Но?

— Но я боюсь, — выдохнула Хлоя, сама не ожидая от себя

такой откровенности. — Боюсь, что это неправильно. Боюсь, что мы разные. Он любит эту грязь, эту пыль, эти... эти поля и леса. А я люблю город, комфорт, чистоту. Он хочет детей и дачу, а я хочу карьеру и путешествия.

— И это всё? — спросила София.

— А этого мало? — Хлоя почувствовала, как к горлу подступает раздражение. — По-твоему, этого недостаточно, чтобы сомневаться?

— Достаточно, — спокойно ответила София. — Но я спросила не об этом. Я спросила: ты его любишь?

Тишина повисла в комнате, густая, как пыль на старых обоях. Хлоя смотрела на Софию, и в голове у неё крутились тысячи слов, тысячи оправданий, тысячи «но».

— Да, — наконец сказала она. — Люблю. Глупо, по-детски, без оглядки. Люблю, когда он смеётся. Люблю, когда он играет на гитаре. Люблю, когда он смотрит на меня так, будто я — единственное, что имеет значение. Люблю, даже когда он пыльный, грязный, с этой своей дурной привычкой всё чинить, а не покупать новое.

— Тогда в чём проблема? — спросила София.

— В том, что любовь не решает всё, — Хлоя почувствовала, как слёзы подступают к горлу. — Любовь не купит квартиру. Любовь не сделает карьеру. Любовь не защитит от скуки, от быта, от того, что однажды мы проснёмся и поймём, что нам не о чем говорить.

— А что, по-твоему, решает? — София встала и подошла

к окну, встав рядом с Хлоей. — Деньги? Карьера? Стабильность?

— Это помогает, — тихо сказала Хлоя.

— Помогает, — согласилась София. — Но не решает. Мои родители были идеальной парой. Он — инженер, она — преподаватель. У них была квартира, машина, дача. Деньги, стабильность, планы на будущее. И они развелись, когда мне было двенадцать, потому что мама поняла, что не любит отца. Совсем. Никогда не любила. Просто боялась ошибиться.

Хлоя посмотрела на неё с удивлением. София никогда не говорила о семье. Никогда.

— Ты поэтому не веришь в любовь? — спросила Хлоя.

— Я не верю в идеальную любовь, — поправила София. — В ту, о которой пишут в книгах и снимают кино. Где всё просто и понятно. Где не надо выбирать. Где не надо жертвовать.

— А какая бывает?

— Настоящая, — ответила София. — Та, где двое людей каждый день решают быть вместе. Не потому, что им легко. А потому, что они не представляют жизни друг без друга. Даже когда трудно. Даже когда хочется всё бросить и уйти.

— И ты веришь в такую? — спросила Хлоя.

— Я верю в вас, — тихо сказала София. — Я вижу, как он на тебя смотрит. И как ты — на него. Я вижу, как вы разговариваете, спорите, миритесь. Вы разные — да. Но вы дополняете друг друга. Он учит тебя расслабляться, ты — его

— быть серьёзнее. Это не недостаток. Это... шанс.

— Шанс на что? — прошептала Хлоя.

— На то, чтобы не пожалеть, — ответила София. — Через двадцать лет ты можешь сидеть в своём уютном офисе, с хорошей зарплатой, с идеальным порядком в доме, но без него. Или можешь сидеть здесь, на этой веранде, слушать, как шумит лес, и знать, что он рядом. Что ты не одна. Что тебя любят.

Она помолчала, а потом добавила:

— Я бы на твоём месте не думала. Я бы сказала «да».

Хлоя уставилась на неё:

— Ты?! Ты, которая всё просчитывает, взвешивает, анализирует? Ты бы сказала «да» не подумав?

— Я бы сказала «да», потому что знаю: идеального момента не существует, — ответила София. — Идеальных условий не бывает. Если ждать, когда всё сложится, можно прождать всю жизнь. А он... он не будет ждать вечно.

Она отошла от окна и направилась к двери.

— Подумай, — сказала она уже с порога. — Но не слишком долго. Он хороший. Такие, как он, не падают с неба каждый день.

Она вышла, оставив Хлою одну.

Хлоя стояла у окна и смотрела на улицу. Оливер сидел у мангала и раздувал угли. Он был грязный, потный, в старой футболке с пятнами от шашлыка. И он улыбался. Просто так, без причины, потому что был счастлив.

«Почему ты так уверен? — подумала Хлоя. — Почему ты не боишься? Почему ты не сомневаешься?»

Но она знала ответ. Он не боялся, потому что любил. По-настоящему. Без оглядки. Без расчётов. Без дурацких списков «за» и «против».

— Дурак, — прошептала она, и в этом слове было столько любви, что оно перевесило все страхи.

В этот момент от мангала донесся голос Итана:

— Дамы! Мясо готово! Торопитесь, голодные волки вас не ждут!

Хлоя глубоко вздохнула, поправила волосы и с новым, немного решительным выражением лица пошла к выходу. София уже подходила к накрытому столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.